

«ТЕМНИЦА» И «ЗАТВОР» В ДРЕВНЕЙ РУСИ XI–XV ВЕКОВ

А. В. Сумин

Воронежский институт ФСИИ России,
Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 ноября 2015 г.

Аннотация: в статье на основе анализа русских летописей рассматривается употребление слов «темница» и «затвор» при описании событий XI–XV вв.

Ключевые слова: темница, затвор, диглоссия.

Abstract: the given article deals, on the basis of the Russian chronicles analysis, with the use of words «temnitsa», «zatvor» a dungeon at the description of events XI–XV centuries.

Key words: temnitsa, zatvor, diglossia.

Наказание в виде лишения свободы впервые закрепляется Судебником 1550 г. Несколько раньше появляется и специализированное учреждение для его исполнения – тюрьма. Впервые московская тюрьма упоминается в русских летописях при описании событий 24 июля 1471 г. (Иван III после шелонского боя): «Мѣсяца того же 24 день... прииде князь великий в Роусоу... а иных многих послал на Москву да велѣл их вмѣтати в *тюрмоу*» [1, с. 296–297; 2, с. 46–51]. В то же время широко известны такие наименования мест лишения свободы, как *поруб*, *погреб*, *темница*, *затвор*, упоминаемые в русских летописях с XI–XII вв. В результате в науке сформировалось известное противоречие, когда, с одной стороны, в древнерусских памятниках права практически нет упоминаний о лишении свободы и основным видом наказания являлся штраф (вира, продажа и др.), а с другой стороны, есть упоминания мест лишения свободы в иных письменных источниках.

Определенный вклад в решение данной проблемы мог бы внести учет наличия *диглоссии* в древнерусской языковой ситуации. Так, Б. А. Успенский замечает: «В течение многих веков в России функционировали два языка – церковнославянский и русский... Эти ситуации могут быть определены либо как ситуации двуязычия, либо как ситуации диглоссии... В случае диглоссии функции двух сосуществующих языков находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в одноязычном языковом коллективе. При этом речь идет о сосуществовании книжного языка... и некнижного языка... ни один социум не пользуется в этих условиях книжным (литературным) языком как средством разговорного общения» [3, с. 24].

Слова *поруб* и *погреб* в условиях диглоссии являлись лексемами древнерусского языка, так как они не

встречаются в старославянских рукописях X–XI вв. [4], но употребляются и в летописях, и в актах: «Нѣмчина не сажати в *погребъ* Новѣгородѣ, ни новгородца в Нѣмцѣхъ» [5, с. 56]. Логично предположить, что им соответствовали и реальные строения, которые пытаются идентифицировать археологи [6].

Слова *темница* и *затвор* относились к лексикону старославянского языка, поэтому наличествуют в старославянских рукописях [4, с. 233, 714] и в древнерусских [7, с. 351].

В современном русском языке все рассматриваемые термины стали синонимами. Так, например, в Словаре русского языка XI–XVII вв. *поруб* определяется как «темница в виде ямы или землянки, заделанная сверху деревом; тюрьма» [8, с. 133].

Впервые параллельное использование старославянского и древнерусского слов при описании мест лишения свободы в русских летописях наблюдается при первом упоминании тюрьмы под 1402 г.: «ходиша кн(я)зь Ярославъ Олгович резаньскыи на Брянскъ ратью, и срѣтоша кн(я)зи его литовьскыи... и ту изымаша кн(я)зя Ярослава, и приведоша его к Витовту, и ведоша его в *темницу*, *г(лаго)лемую тюрмоу*, и быст(ь) в таковѣ нужи 3 лѣта, дондеже Витовтъ взя окупъ на немъ 2000 рублей и отпусти» [9, с. 522]. На наш взгляд, это связано с тем, что *поруб* и *погреб* не являлись аналогами *тюрьмы*, не были постояннодействующими, светскими, специализированными местами лишения свободы, и в отношении них не использовались термины старославянского языка, ведь словами *темница* и *затвор* переводились греческие лексемы, обозначавшие *тюрьмы*, которые существовали в Византийской империи, как более высокоразвитом государстве. Рассмотрим их подробнее:

δεσμοτήριον – тюрьма [10];

εἰρητή – место огороженное, ограда, тюрьма [там же, стб. 378];

χαταδίχη – приговор против кого; наказание, штраф [там же, стб. 668];

πραϊτόριον – лат. *Praetorium* [там же];

φρουρά – стража, гарнизон, вообще охрана [там же, стб. 1327];

φυλαχη – стража, караул, охрана (означает и действия стерегущего, и лицо стерегущее, и место, находящееся под стражей, или темницу) [там же, стб. 1329].

Следует отметить, что вышеуказанный эпизод 1402 г. является и первым употреблением слова *темница* при описании реальных событий древнерусской жизни. Ранее оно используется лишь в рамках цитат из старославянской литературы. Так, в Новгородской первой летописи старшего извода – в составе повести о взятии Царьграда фрягами [11, с. 46–50]. В Ипатьевской и Лаврентьевской летописях – при описании чудес, совершавшихся у мощей святых Бориса и Глеба в церкви святого Василия: «...Глѣбу же оубыену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама... и инѣмъ приходящим страннѣм с вѣрою даета исцѣленье хромѣм ходити, слѣпѣмъ прозрѣнѣ, болящим цѣлбѣ, окованым разрѣшенѣ, *темницам* отверзенье, печалнѣм оутѣха, напастнѣм избавленье и еста заступника Русьстѣи земли...» [12, стб. 137; 13, стб. 124]. В Лаврентьевской летописи при описании отъезда Константина Всеволодовича на княжение в Великий Новгород в 1206 г.: «...бо бяше цркѣвнѣи чинѣ отверзль ему... и пакы алченѣ бяхъ накормисте мя, и жаденѣ бѣхъ напоисте мя, и в *темницѣ* бѣхъ поштѣисте мене...» [12, стб. 423].

В русских летописях, созданных после появления тюрем, слово «темница» как «поэтическое» название реально существующих мест лишения свободы нового типа – тюрем – начинает массово использоваться в качестве анахронизма при описании предшествующих событий: «1123. Въ лѣто 6631... Того же лѣта пресвященный Никита митрополитъ Киевскій и всеа Руси въ своемъ градѣ въ Синелицѣ затвори въ темницѣ злаго еретика Дмитра» [14, с. 152], или: «1138. Въ лѣто 6646. Того же лѣта... Святославъ же Олговичъ нача испытывати бояръ Новгородцкыхъ, и изыскавъ, инѣхъ казни, а инѣхъ въ темници затвори, а инѣхъ укрѣпи крестнымъ цѣлованіемъ...» [там же, с. 161].

Этой же логике должно подчиняться и употребление слова *затвор*, у которого во всех словарях одним из значений является «место лишения свободы».

Старославянский словарь определяет *затворъ* как «запор, засов и тюрьма, темница» [4, стб. 233]. В значении места лишения свободы им переводилось слово χατοχη – задерживание [10, стб. 695]. Необходимо отметить наличие всего двух примеров его употребления в смысле места лишения свободы – в виде фразы «в затворѣ быти». Учитывая, что у слова

тъмница словоупотреблений в этом же смысле более 100, рискнем предположить, что существительного *затворъ* в смысле «тюрьма» не было, а имела место калька с греческого «в затворѣ быти – быть задержанным».

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. определяет *затворъ* как запер, замок, как место заключения и как вид монашества. Как и в старославянских рукописях, необходимо отметить чрезвычайно небольшое его употребление во всех смыслах – 23 [7, с. 351]. Для примера глагол *затворити* имеет 147 употреблений [там же, с. 350].

Не рассматривая употребления слова *затвор* в той части древнерусской литературы, которая не описывает реальные события древнерусской истории, и не оспаривая наличия у него значения «место лишения свободы» в церковнославянском языке древнерусского извода, считаем необходимым проанализировать употребление его в русском летописании.

В русских летописях *затвор* употребляется всего в трех известиях, относящихся к XII в., и один раз, как и *темница*, в Повести о взятии Царьграда [11, с. 46–49]. Рассмотрим их подробнее.

Первым является эпизод 1154 г., когда князь Ростислав Мстиславич, узнав о смерти дяди Вячеслава Владимировича, возвращается в Киев и «ѣха на Ярославль дворъ и съзва мужа отца своего Вячеславлѣ и тивунѣи и ключники каза нести имѣнѣе отца своего передъ ся и порты и золото и серебро и снесъ все и нача роздавати по манастыремъ и по цркѣвамъ и по *затворомъ* и нищим и тако раздая все...» [13, стб. 473]. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. трактует такое употребление *затвора*, как места лишения свободы [7, с. 351]. Однако при простом сравнении с Никоновской летописью (свод), избыливающей анахронизмами в употреблении слова *темница*, обнаруживаем вместо *затвора* слово *убогим*: «и разсмотри вся имѣнѣи его, и вся раздаде по манастыремъ, и по церкѣвамъ, иубогимъ, и нищимъ, и вдовицамъ и страннѣм» [14, с. 200]. На наш взгляд, в тексте имелся в виду монашеский *затвор*, а не место лишения свободы.

Второе упоминание касается убийства князя Андрея Боголюбского: «то же лѣта оубьенѣ бысть великыи князь Андрѣи сынѣ великаго князя Георгия внукъ Мономаха Володимера... паче же на милостыню зѣло охотивъ ибо брашно свое и медь по улицам навозѣхъ слаше болнѣм и по *затворомъ*...» [12, стб. 368]. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. трактует такое употребление *затвора*, как места лишения свободы [7, с. 351]. В данном случае речь идет о «шаблоне» поведения идеального князя-христианина. Подобный пример встречаем уже у князя Владимира: «повелѣ нищю всяку и оубогоу приходити на дворъ на княжъ и взимати всяку потребу питье и яденѣ... яко немощнии болнии не могутъ доити

двора моего повеле оустроити кола и въскладываше хлѣбы мяса рыбы и овощь разноличныи и медь въ бочкахъ а въ другихъ квасы возити по градомъ выпрашающе кде болнии нищии не могы ходити и тѣмъ раздаваху на потребу» [12, стб. 125–126]. На наш взгляд, в рассматриваемом эпизоде имеется в виду *затвор* в смысле вида монашества, так как привозить пищу необходимо было тем, кто не может сам себя обслужить, – больным и не выходящим из затвора монашествующим. В описании действий князя Владимира *затворов* нет, так как это происходит непосредственно после крещения Руси, когда монашество еще не было развито.

Представляется, что при интерпретации значений слова *затвор* автор словарной статьи необоснованно использовал ретроспективный метод, перенеся реалии XVI–XVII вв., когда в тюрьмы на христианские праздники присылали «мирское подаяние», на XII в.

Третье упоминание касается событий того же 1175 г., когда князь Ярослав Изяславич «слышавъ яко стоить Киевь безо князя пограбленъ Ростиславичи приѣха опять Киеву и на гнѣвъхъ замысли тяготу Кияномъ река вы есте подъвели на мя Святослава промышляите чимъ выкупити княгиню и дѣтя онѣмъ же не оумѣющимъ что отвѣщати попрода весь Киевь игумены и попы чернцы и черници Латину и *затворы* и гость и всѣ Кияны и много зла створивъ Киеву поиде Чернигову...» [там же, стб. 366–367].

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. трактует такое употребление *затвора*, как вид монашества – «об отшельнике» [7, с. 351]. И. И. Срезневский ставит у этой цитаты знак вопроса [15, стб. 953]. Однако при сравнении текста Лаврентьевской летописи с другими русскими летописями получаем четыре варианта трактовки данного эпизода.

Первый вариант составляют тексты Лаврентьевской, Радзивиловской, Московско-Академической летописей, Летописца Переяславля Суздальского.

Лавр.: «...попрода весь Киевь игумены и попы чернцы и черници Латину и *затворы* и гость и всѣ Кияны и много зла створивъ Киеву поиде Чернигову...» [12, стб. 367]; Радз.: «и чернцы, и черници, и *затворы*, и латину, и гости, и всѣ кияны...» [16, с. 137]; Пер. Сузд.: «...и *затворы*, и гость, и весь Киевь...» [17, с. 82].

Согласно генеалогической схеме летописей XI–XVI вв. Я. С. Лурье, включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» [18, с. 196], можно предположить, что трактовка слова *затвор* как существительного имела уже в общем протографе владими́ро-суздальских летописей (на стемме – В) конца XII в. В то же время имеется точка зрения о том, что более полный и исправный список свода 1205 г. отразился в Львовской летописи и Тверском сборнике [12, с. L].

В Новгородской первой летописи рассматриваемое событие отсутствует, но в летописях, входящих в «новгородско-софийскую группу», имеется.

Соф. I: «...и латину, и *затвори*, и гости, и всѣ кияны...» [9, стб. 241]; Новг. IV: «...и латину, и *затвори*, и гости, и вся кияны...» [19, с. 165]; Новг. Карамз.: «и латину, и *затворы*, и гости, и вся кияны» [20, с. 77].

Второй вариант имеется в тексте Ипатьевской летописи, где употреблена глагольная форма: «Ярославъ же слышавъ яко стоить Киевь безъ князя пограбленъ Олговичи и приѣха опять Киеву на гнѣвъхъ замысли тяготу Кияномъ река подъвели есте вы на мя Святослава промышляите чимъ выкупити княгиню и дѣтя онѣмъ же не оумѣющимъ что отвѣщати ему и попрода весь Киевь игумены и попы и чернцы и черници Латину и гость и *затвори всѣ Кияны*» [13, стб. 579].

Третий вариант содержится в Львовской летописи и Тверском сборнике, но глагольная форма «затвори» относится к слову Латина.

Львов.: «...попрода весь Киевь. Игумены, и чернцы, и попы, и черници, и *Латину затвори*, и гости, и весь Киевь...» [21, с. 127]; Твер. сб.: «...и попрода игумены, и чернцы, и попы, и черници, и *Латину затвори* и гости, и много зла створи Киеву» [22, с. 250].

Четвертый вариант имеется в ряде летописей и содержит глагольную форму, относящуюся к слову *гости*.

Никанор.: «попрода весь Киев: игумены и попы, и чернцы, и черници, и Латину; и *затвори гости*, всѣ кияны» [23, с. 34]; Вол.-Перм.: «Попрода весь Киев и игумены, и попы, и чернцы, и черници, и Латину, и *затвори гости* всѣ Кияны» [24, с. 34]; Новг. Дубр.: «попрода весь Киев, игумены и попы, чернцы и черници, и латину, и *затвори гости*, вся кияны» [25, с. 73].

В летописях XVI в. ничего о *затворах* в данном эпизоде не говорится: Моск. св. кон. XV в.: «...и попрода весь Киевь, игумены и попы и чернцы и гости и Латину и всѣ Кияны» [26, с. 83]; Никон.: «...онъ же возложи на всѣхъ дань, и на архимандриты, и на игумены, и на священники, и на иноки, и на гости, и на Латыну, живущую в Киевь, и на вся люди Киевскія...» [14, с. 248]; Воскр.: «и попрода весь Киевь, игумены и попы, и чернцы и черници, и гости и Латину, и всѣ Кияны...». Таким образом, предположим, что в рассматриваемом эпизоде первоначальной была глагольная форма «*затвори всѣ Кияны*», которая была неверно интерпретирована владими́ро-суздальскими летописцами, как существительное *затворъ*.

На основании проведенного анализа употребления слов «темница» и «затвор» в русских летописях при описании событий XI–XV вв. сделаем следующие выводы.

1. Слова «темница» и «затвор», имеющие в старославянском языке одно из значений «место лишения свободы», не использовались в XI–XV вв. в русских летописях для описания реальных событий древнерусской жизни, ими не назывались места лишения свободы (поруб, погреб). Их употребление связано исключительно с переводными текстами на старославянском языке.

2. С появлением в XV в. русских тюрем, т. е. учреждений, аналогичных греческому δεσμοτήριον и римскому carcer, слово «темница» начинает использоваться как синоним тюрьмы и в летописании XVI в. в качестве анахронизма используется при описании событий XI–XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПСРЛ. Т. 28. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1963 (Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г.).

2. Сумин А. В. О первом упоминании тюрьмы в русских летописях / А. В. Сумин // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова : материалы международной научной конференции, МГУ, Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. – М., 2015.

3. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б. А. Успенский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2002.

4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10 000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. ; под ред. Р. М. Цетлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Рус. яз., 1994.

5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М. ; Л., 1949.

6. Олейников О. М. Темница первой половины XI в. в средневековом Новгороде / О. М. Олейников // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 228. – М. : Языки славянской культуры, 2013.

7. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3 / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Рус. яз., 1990.

8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17 / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Г. А. Богатова. – М. : Наука, 1991.

Воронежский институт ФСИН России, Воронежский государственный университет

Сумин А. В., кандидат юридических наук, старший преподаватель Воронежского института ФСИН России, аспирант исторического факультета Воронежского государственного университета

E-mail: rexsumus@mail.ru

9. ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. – М. : Языки русской культуры, 2000 (Софийская первая летопись старшего извода).

10. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. – СПб., 1899.

11. ПСРЛ. Т. 3. – М. : Языки русской культуры, 2000 (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов).

12. ПСРЛ. Т. 1. – М. : Языки русской культуры, 2001 (Лаврентьевская летопись).

13. ПСРЛ. Т. 2. – М. : Языки русской культуры, 1998 (Ипатьевская летопись).

14. ПСРЛ. Т. 9. – М. : Языки русской культуры, 2000 (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью).

15. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Т. 3 (р-я) / И. И. Срезневский. – СПб., 1912.

16. ПСРЛ. Т. 38. – Л. : Наука, 1989 (Радзивилловская летопись).

17. Летописец Переяславля Суздальского.

18. Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» / Я. С. Лурье // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 40 / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ; отв. ред. Д. С. Лихочев. – Л. : Наука, 1985.

19. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. – М. : Языки русской культуры, 2000 (Новгородская четвертая летопись).

20. ПСРЛ. Т. 42. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002 (Новгородская Карамзинская летопись).

21. ПСРЛ. Т. 20. – М. : Языки славянских культур, 2004 (Львовская летопись).

22. ПСРЛ. Т. 15. – М. : Языки русской культуры, 2000 (Рогожский летописец. Тверской сборник).

23. ПСРЛ. Т. 27. – М. : Языки славянских культур, 2007 (Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века).

24. ПСРЛ. Т. 26. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2006 (Вологодско-Пермская летопись).

25. ПСРЛ. Т. 43. – М. : Языки славянской культуры, 2004 (Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского).

26. ПСРЛ. Т. 25. – М. : Языки славянских культур, 2004 (Московский летописный свод конца XV века).

Voronezh Institute of Russian Penitentiary System, Voronezh State University

Sumin A. V., Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer of Voronezh Institute of Russian Penitentiary System, Postgraduate Student of Voronezh State University

E-mail: rexsumus@mail.ru